

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ В РАКУРСЕ ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНЫХ, ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

*канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЕВ
(Полоцкий государственный университет)*

Ставится задача по выяснению причин многообразия определений конституции. На основе исторического и сравнительно-правового анализа показаны теоретические, социально-политические и формально-юридические характеристики исследуемого явления. Представлен широкий спектр мнений политиков, юристов, государствоведов по данному вопросу. Объясняется сущность классового подхода и причины его отторжения в теории и практике современного конституционализма. Доказывается преимущество общесоциальных трактовок в определении основного закона. Прослеживаются причинно-следственные связи между характеристиками конституции и базовыми положениями основных правовых школ. Особый интерес вызывают исследования авторов, акцентирующих внимание на юридических признаках конституции, рассматривающих проблемы ее верховенства в системе источников права. Дается краткий обзор истории западноевропейского конституционализма в контексте выявления важнейших характеристик основного закона. Отражено и аргументировано авторское понимание белорусской проблематики.

Введение. Рассмотрение конституции в качестве основного закона страны вовсе не подразумевает того, что смысловое содержание понятия «конституция» объективировано в каком-либо одном, универсальном определении. Любое из них будет беднее по содержанию самого изучаемого понятия. Богданова Н.А. объясняет это тем, что «один изучаемый объект может иметь множество определений, раскрывающих разные стороны понятия, но отразить всё богатство содержания последнего, раскрыть все его связи и отношения они не могут, поэтому всегда являются относительными. Такова диалектика соотношения понятий и их определений» [1, с. 152]. Здесь уместно вспомнить высказывание И. Канта о том, что юристы ищут, но всё никак не могут найти формулу права. Это же можно сказать и по рассматриваемой проблеме о понятии конституции.

Важно учитывать исторический контекст рассмотрения проблемы. Трактовка конституции как совокупности правовых норм и принципов, лежащих в основе теории конституционного государства, утвердилась лишь во второй половине XVIII века. Предыдущие представления о конституции в большей степени характеризовали её как конкретный облик государства и форму господства. Такое понимание не претендует на оригинальность, а для западноевропейской науки стало общеметодологической посылкой. Например, современный немецкий автор Й. Изензее [2, с. 12] изначально понятие конституции возводит к Аристотелю, который определял конституцию как устройство государства (полиса), имея в виду его отдельные службы и систему управления в целом. Таким образом, конституция была идентична форме государства, а её понятие носило описательно-типологический характер, т.е. всегда отражало нечто существующее, а не должное. Но в данном случае речь пойдет о современной конституции.

Основная часть. В настоящее время акценты расставлены иначе. Конституция нормативно провозглашает не реальное, а должное состояние государства (а как иначе оценить, в частности, базовую статью 1 Основного Закона Беларуси о демократическом, правовом и социальном государстве?). Любые государственные формы являются результатом планомерного правотворчества создателей конституции и поэтому реальное властвование выступает не как содержание, а как объект регулирования. Следовательно, соответственно такому подходу, основной закон выступает неким модельным проектом, а не отражением действительности. (Справедливости ради отметим, что та же статья 1 фиксирует состоявшиеся факты реальной жизни, когда упоминает Беларусь как унитарное государство с республиканской формой правления). Однако признаем, что современная концепция конституции предполагает рассмотрение её именно в сфере нормы, а не факта, что, впрочем, не снимает, но ещё более актуализирует проблему соотношения и взаимосвязи конституционной нормы конституционной (?) реальности. Знак вопроса всего лишь сигнализирует о том, что реальность может быть очень далека от конституционно провозглашенного ориентира.

В правоведении существует множество определений конституции, и «в их основу обычно кладется какой-то один или несколько признаков, относящихся к предмету конституционного регулирования, месту, занимаемому конституцией в иерархии источников права, в национальной правовой системе. Преобладающими являются определения конституции по ее содержанию, т.е. по предмету регулируемых ею общественных отношений. Исходя из этого конституцию можно кратко определить как основной закон государства, регулирующий взаимоотношения государства, общества, коллективов и индивидов, закрепляющий организацию государственной власти и правовой статус личности», – пишет Ю.А. Юдин [3, с. 39]. Современная юриспруденция предлагает разные подходы в понимании конституции, причем ракурсы рассмот-

рения проблемы могут быть самыми неожиданными, что для науки является обычным делом. Ученые анализируют понятие и сущность конституции, предпосылки, способы ее возникновения, виды, юридические свойства, место в правовой системе государства, принципы, функции и другие стороны ее правовой природы. И нельзя сказать, что расставлены все точки на «і», в чем можно будет убедиться. Главное то, что конституция является важнейшим объектом изучения для жизни конституционного права, и это объясняется её огромным значением в жизни всякого цивилизованного общества, принципиально особым местом в правовой системе государства.

Чтобы уяснить, что такое конституция, имеет смысл ознакомиться с некоторыми определениями этого понятия, сопоставляя их при выявлении основных элементов.

Буржуазно-демократические реформы в России середины XIX века закономерно приводят к тому, что одной из центральных проблем социально-политического развития страны конца XIX – начала XX века стал конституционный вопрос. «Изучая зарубежный опыт, дореволюционные ученые-юристы неслучайно правовое государство предпочитали называть конституционным и пытались найти свой, наиболее приемлемый для российской действительности путь решения вопроса конституционного вопроса, опираясь преимущественно на образцы французского и германского конституционализма», – отмечает Н.В. Витрук [27, с. 47]. Здесь следует учитывать тот факт, что в России до первого советского Основного Закона конституции не было, а царский манифест 1905 года и Основные Законы 1906 года содержали только некоторые положения конституционного характера о высших органах государства и выборах.

В своей работе с красноречивым названием «Что такое конституция?» Е.В. Спекторский говорит о конституции как документе, содержащем юридические ограничения для власти, а конституционным государством считает такое, где «власть не только организована, но ещё и ограничена, и притом не фактически только, а юридически или правомерно, ограничена же она ни чем другим, как признанием за населением публичных прав или политической свободы» [4, с. 60]. По определению Ф.Ф. Кокошкина [4, с. 42], конституция должна содержать гарантии разделения властей и подчинения праву. Особо отметим тот факт, что уже тогда наиболее передовые представители русской правовой мысли (В.Н. Дурденевский, Н.Н. Ковалевский, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, С.А. Муромцев, Л.А. Шалланд и др.), учитывая американский, английский и европейский опыт конституционализма, отстаивали идею судебной охраны конституции ввиду её исключительного юридического статуса.

Всё изменилось после 1917 года. Тотальное огосударствление общественной жизни и марксистская теория государства отводят конституции формальную роль, поскольку центр тяжести по принятию важнейших государственных решений переносится на партийные структуры власти. Термин «конституционное право» выходит из употребления, а наука «государственного права», как и другие отрасли юридической науки, «утратило реалистический подход к праву и законности, превратилось в голую апологию сталинской тираннии» [5, с. 54].

Если западные ученые продолжали исследовать конституцию в ракурсе ограничения государственной власти, то в СССР подход к определению сущности конституции базировался на марксистской доктрине. Согласно взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса конституция любого государства рассматривается как продукт классовой борьбы, как инструмент, с помощью которого тот или иной класс закрепляет свое политическое господство. Сформулированное Ф. Лассалем, а затем и В. Лениным определение классовой сущности конституции стало, по замечанию Ю.А. Юдина и В.Е. Чиркина, «методологической основой науки конституционного права в социалистических странах, а также леворадикальных конституционных доктрин на Западе и в развивающихся странах» [3, с. 41]. Вот что писал В.И. Ленин (еще до того, как была установлена большевистская диктатура) в своей работе «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам»: «...вы не понимаете ни сущности конституции, ни разницы между ее фиктивностью и ее классовым характером [...]. Беда социал-демократов в том, что они не знают ни исторического материализма, ни диалектического метода Маркса, оставаясь целиком в плену вульгарных буржуазно-демократических идей. Конституция для них не новое поприще, не новая форма классовой борьбы, а абстрактное благо подобно «законности», «правовому порядку», «общему благу» либеральных профессоров и т.д. и т.п.» [4, с. 54]. Не забудем и тот факт [7, с. 194], что решающую роль в подготовке текста конституции РСФСР 1918 года сыграл именно В.И. Ленин; по его предложению в основу конституции была положена Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, при непосредственном участии В.И. Ленина были по существу переработаны или дополнены все разделы проекта.

Акцент на классовых аспектах конституции неизменно «отсвечивал» во всех определениях конституции советского периода, что полностью соответствовало учению марксизма-ленинизма. Например, в СССР академическая литература середины XX века предлагала такое понимание конституции: «Буржуазные конституции отражают и закрепляют господство буржуазии, ее диктатуру, ... эксплуатацию человека человеком, а конституция СССР устанавливает, что государственное руководство обществом принадлежит рабочему классу как передовому классу общества, ... отличается последовательным и до конца выдержанным социалистическим демократизмом, свободными от оговорок и ограничений прав граждан...» [8, с. 325]. Определение «конституционализма» заслуживает особого внимания при прочтении.

Под ним понимается «реакционное буржуазное течение в политике и науке государственного права, признающее наилучшей системой управления конституционную монархию» [8, с. 325].

В этих определениях, вопреки фактам и элементарному здравому смыслу, всё перевернуто с ног на голову. Достаточно сказать, что США как «оплот» конституционного и буржуазного порядка никогда не знали диктатуры и монархической формы правления. В то время как хваленые советские конституции оформляли самый бесчеловечный из всех известных XX веку тоталитарных режимов (разве что до Пол Пота и «красных кхмеров» не дотянули, но в масштабе абсолютных цифр жертв коммунистического террора СССР не знал себе равных). Не преувеличивает М.В. Баглай, когда пишет о том, что «в тоталитарном обществе наука государственного права являет собой поистине печальное зрелище. Ее идеал – обоснование “демократизма” очевидной диктатуры и разгула насилия» [5, с. 52]. А иначе и быть не могло, ведь любая советская конституция носила формальный характер и играла роль некоего внешнего демократического фасада, по существу оставаясь только прикрытием тоталитаризма.

Всё изменилось с конца 80-х годов, когда в СССР начался процесс реформ, коренным образом затронувший и сферу государственного права. Распад единого социалистического государства привел к появлению пятнадцати независимых государств и в достаточно короткий период на волне демократических преобразований (1991 – 1995 гг.) в республиках бывшего СССР были приняты новые конституции, взявшие за основу теорию правового государства.

С этого момента в юридической науке на постсоветском пространстве постепенно устанавливаются и зарождаются принципиально новые подходы и концепции, увязывающие развитие права и государства с достижениями европейского конституционализма и целями демократического переустройства общества. И надо признать, что «свежие идеи, не всегда безболезненно, но все же пробивают себе дорогу. **Наука конституционного права не должна играть роль прислужницы властей, она может стать подлинной наукой только на основе разумного плюрализма мнений, критического отношения к правовой действительности** (выделено нами – А. П.)» [5, с. 59]. Соответственно, полностью переосмыслена роль конституции в государстве. Теперь она – основа государственности, законности и правопорядка.

Рассмотрим *основные подходы, связанные с определением понятия и сущности конституции*.

Под конституцией С.А. Авакьян [7, с. 136] понимает «основной закон государства, выражающий волю народа в целом либо отдельных социальных слоев (групп) общества и закрепляющий в их интересах важнейшие начала общественного строя и государственной организации соответствующей страны». Здесь отметим позицию ученого о целесообразности использования термина «основной закон» наряду с «конституцией», что не предусмотрено действующем законодательством Российской Федерации. Ещё одна особенность взглядов С.А. Авакьяна заключается в том, что конституцию он всегда рассматривает как документ и общества, и государства. Исходя из приведенной формулировки можно убедиться в том, что автор при характеристике конституции не отрицает классово-политического подхода: «Можно, конечно, спорить с понятием «классы», но нельзя отрицать очевидный факт – в обществе есть различные «слои», «силы», «группы», порой отнюдь не дружественные, а зачастую и открыто противоборствующие; можно, далее, не применять понятие «классовая борьба», но что сама борьба существует – факт очевидный» [9, с. 137]. Однако этот подход, как видим, не абсолютизируется. Со всей очевидностью указано и на служебную (рационалистическую) роль конституции как документа, закрепляющего общественные устои и основы государственной организации.

Несколько иная трактовка предложена М.В. Баглаем: «Под конституцией понимают основной закон государства, имеющий высшую юридическую силу. Этот закон закрепляет основные принципы государственного строя, высшие правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина, а также структуру и взаимоотношения органов государственной власти и управления (форму правления)» [5, с. 65]. С нашей точки зрения, в такой трактовке отражено нормативистское (вопросы высшей юридической силы и формы правления) и естественно-правовое (высшие правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина) направления в исследовании понятия конституции. Относительно сущностно-функциональных характеристик М.В. Баглай, как нам представляется, не вполне последователен. С одной стороны, он пишет о том, что конституция – политический документ, с другой – она «вне идеологии» [5, с. 65]. Но можно ли говорить о политике «деидеологизированного» свойства? Думается, таких примеров не найти.

Как государственно-правовую традицию исследует конституцию К.В. Арановский [10], видя в ней исторически сложившееся правовое явление с определенными признаками и свойствами. Его формулировка конституции достаточно оригинальна: «это комплекс норм, содержанием которых является принцип народного суверенитета; основные (фундаментальные) права и свободы человека; принцип законности (правомерности), обязательный для государства и иных субъектов; основы государственного устройства (в федерациях – федеративный договор)» [11, с. 115]. Но все же внимательное прочтение такого определения не позволяет разглядеть в нем элементы исторического подхода, о чем заявляет автор. Более того, далее по тексту делается оговорка о том, что «основной закон представляет собой не столько содержательное, сколько формальное понятие, позволяющее определить место и роль данного нормативного акта в си-

стеме национального правового регулирования» [11, с. 115]. Такое формально-юридическое «прочтение» конституции характерно для нормативизма, но не для исторической школы права. Однако безусловная заслуга К.В. Арановского состоит в глубоком анализе проблемы различения провозглашенных конституционных принципов (по сути – лозунгов) и реальной политической практики. Обратим внимание на следующее замечание автора: «в государственном праве большинства стран мы обнаруживаем акты, именуемые «конституцией». Однако число стран, в которых действительно сложился конституционный строй, относительно невелико. Уже одно это дает повод усомниться, что всё обилие актов с титулом конституции имеет подлинно конституционное содержание» [11, с. 109]. В этом высказывании явно просматривается социологическая (или лассальянская) концепция конституции.

На сущностных, а не формально-юридических свойствах конституции делает акцент Б.С. Эбзеев: «само понятие [современной] конституции наполнено принципиально новым содержанием. Конституция из способа закрепления строя абсолютного государства с неограниченной властью стала законом, закрепившим строй социального правового государства, власть которого ограничена суверенитетом народа и правами человека и гражданина. Тем самым изменилась универсальная объективная характеристика Основного закона – его сущность» [12, с. 19]. Это – принципиальная позиция автора.

В своих исследованиях ученый руководствуется не идеей классового антагонизма, условием которого ценность человеческой личности определяется мерой его вклада в достижение целей государства, а идеей социального сотрудничества и солидарности, где государство выступает в качестве инструмента общественного согласия и компромисса, формирования определенного баланса многообразных интересов, имеющих в обществе, – индивидуальных и коллективных. «Соответственно и конституция, – заключает Б.С. Эбзеев, – в этом случае выступает как легитимация социального согласия и партнерства, гражданского мира, а не средство обеспечения классового господства» [12, с. 19]. Здесь мы обнаруживаем полное неприятие ученым классово-волевой (или марксистско-ленинской) теории конституции. Вероятно, перед нами так называемое институционалистское направление исследования, представители которого характеризуют конституцию «как статут не только государства, но и нации как корпоративного целого» [13, с. 33]. Особо отметим, что Б.С. Эбзеев высказывался подобным образом ещё при советской социалистической системе. Этот подход со всей очевидностью предполагает признание за конституцией статуса основного закона не только государства, но и общества.

Сущностные критерии в понимании конституции лежат в основе фундаментальных исследований Н.С. Бондаря. Для него Конституция Российской Федерации предстает «как документ, впитавший в себя всё многообразие социальных противоречий в условиях политических и экономических преобразований и призванный конституционно-правовыми средствами способствовать – как реально действующий, работающий акт – разрешению соответствующих противоречий между властью и свободой при переходе к качественно новым направлениям социально-экономического и политического развития общества и государства» [14, с. 18]. Наряду с этой несколько объемной цитатой Н.С. Бондарь очень часто использует емкие и запоминающиеся формулировки: «конституция как отражение баланса власти и свободы» [14, с. 17]; «Конституция России – юридизированная форма выражения конфликта между властью и свободой» [14, с. 20], «Конституция – мера свободы» [14, с. 211] и др.

Таким образом, для автора (он же и судья Конституционного Суда РФ) конституция является юридически узаконенным балансом интересов всех социальных групп общества, мерой достигнутого в обществе и государстве баланса между властью и свободой. Несомненно, взгляды Н.С. Бондаря во многом отражают естественно-правовое направление в исследовании конституции и некоторые положения школы солидаризма. В то же время «красной нитью» в рассуждениях автора проходит тезис о том, что «в юридическом плане конституция есть политико-правовое порождение наиболее значимых социальных противоречий, выражающих, в том числе, взаимоотношения между личностью, обществом и государством, свободой и властью. Конституция как основной закон государства призвана отражать на правовом уровне соответствующие противоречия и, по мере возможности, способствовать их разрешению с помощью специфического, юридическо-правового конституционного инструментария воздействия на различные сферы общественных отношений» [14, с. 19]. Эти и многие другие актуальные вопросы последовательно и глубоко раскрываются в фундаментальной работе Н.С. Бондаря «Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия» [15]. В книге обосновывается авторская концепция судебного конституционализма, воплощающего режим обеспечения верховенства права, судебной правовой защиты конституции на основе баланса публичного и личного, экономической и политической власти в соотношении со свободой в демократическом правовом государстве. Автор показывает роль конституционного правосудия как средства генерирования судебного конституционализма во всех его основных компонентах – нормативных и доктринальных, онтологических и аксиологических, мировоззренческих и политико-идеологических. Основной постулат учёного – конституция является порождением социальных противоречий современного общества, но в то же время выступает юридизированной формой их отражения.

Такое направление в исследовании конституции достаточно неординарно, но и новым его не назовешь. Например, ещё ранее М.В. Баглай озвучил проблему: как обеспечить баланс свободы и власти?

По его мнению, «нахождение баланса власти и свободы составляет главнейший и деликатнейший смысл конституционного права» [5, с. 3]. Рассмотренным подходам созвучна и позиция Андраша Шайо [16, с. 12], который под сущностными характеристиками современного конституционализма понимает такую систему самоограничения власти, при которой на первом месте стоит обеспечение свободы граждан.

О том, что теоретическая возможность конституционных конфликтов заложена в самой природе основного закона, пишет А.Н. Медушевский: «Конституция является актом, обобщающим на самом высоком уровне различные правовые принципы, но вместе с тем кристаллизирующим их противоречия» [17, с. 21]. О конституционных конфликтах такого рода пишут также В.О. Лучин [18, с. 407], Ю.А. Тихомиров [19, с. 33]. Объединяет указанных авторов восприятие юридических явлений во всей их многогранности и противоречивости, когда конституция рассматривается как порождение и своего рода нормативный правовой результат разрешения противоречий между властью и свободой. По мнению Н.С. Бондаря [14, с. 19], в основе такого понимания сущности Конституции лежит оценка всей системы конституционно-правового регулирования, понимания как предмета конституционного права с точки зрения не только «количественно-объёмных», но и качественных характеристик соответствующих общественных отношений, составляющих предмет данной отрасли права, так и самой по себе системы её норм и институтов.

Рассмотренные подходы в большей или меньшей степени основывались на понимании конституции не в сугубо юридическом, но и социальном, фактическом, материальном преломлении. Однако чаще всего в литературе встречаются определения конституции формально-юридического толка, когда этот термин употребляется для обозначения особого правового документа (юридическая конституция). Ознакомимся с основными из них.

По определению Р.В. Енгибаряна, под «конституцией в юридической науке понимается основной закон (система законов), обладающий высшей юридической силой и закрепляющий основы общественного строя и государственного устройства, взаимоотношений между государством и личностью, организации и деятельности системы государственных органов» [20, с. 11]. Стоит заметить, что эта формулировка 2010 года существенно отличается от предыдущей, предложенной в 2000 году: «Конституция – это важнейший и основной политико-правовой нормативный акт (или ряд, совокупность система таких актов), имеющий высшую юридическую силу и регулирующий основы устройства государства и его взаимоотношений с обществом и личностью (человеком и гражданином)» [21, с. 26]. Определение второго типа встречается преимущественно в политологической и философской литературе.

С точки зрения В.В. Маклакова, «в самом общем *юридическом* значении конституцию можно определить как обычно торжественно устанавливаемую систему правовых норм, имеющую, как правило, высшую юридическую силу и закрепляющую основы правового положения личности, социально-экономического строя, политической системы, правового положения государства на международной арене» [22, с. 28]. И это определение автора (2010 года) принципиально отличается от ранее сформулированной позиции (1999 года): «Конституция, таким образом, рассматривается как правовая основа конституционного строя или существования конституционализма, в содержание которого включается ряд компонентов: права и свободы граждан, представительное правление и принцип разделения властей» [23, V]. Во втором случае, «увязывая» основной закон с существованием конституционализма, учёный через такое определение расставляет «сущностно-содержательные», а не «формально-юридические» акценты, что значительно раздвигает рамки исследования.

Достаточно всеохватным представляется определение современной конституции, предлагаемое Т.Я. Хабриевой и В.Е. Чиркиным. Под ней понимается «учредительный правовой акт, основной закон государства, принимаемый и изменяемый в усложнённом порядке, обладающий в современных условиях особым объектом регулирования, высшей юридической силой и являющийся юридической базой для правотворчества, правоприменения и правосознания» [24, с. 39]. Отличительной особенностью такого подхода является то, что его авторы рассматривают конституцию исключительно правовым актом именно государства, т.е. актом государственной воли, но не законом общества, т.е. общественным документом. В современной науке эта проблема не получила однозначного разрешения. Дело в том, что в отличие от «ранних» конституций (например, США) многие современные конституции (Беларусь в том числе) достаточно объёмно регулируют некоторые стороны устройства общества (экономика, культура, религиозные и брачно-семейные отношения). Поэтому во втором случае небезосновательно утверждение, что конституцию можно рассматривать основным законом общества и государства.

Некоторые подходы предельно юридизированы и в силу этого лаконичны. Как пишет В.М. Сырых, «Конституция РФ устанавливает исходные нормы по вопросам организации и деятельности государства, закрепляет права и свободы граждан РФ, порядок национально-территориального устройства, деятельности органов местного самоуправления» [25, с. 205], а Ю.А. Тихомиров определяет конституцию как «нормативный акт, имеющий высшую юридическую силу, содержащий систему правовых норм, регулирующих отношения между человеком и обществом, с одной стороны, человеком и государством – с другой стороны, а также основы организации самого государства» [26, с. 15]. И вовсе краток Н.В. Витрук: «Конституция государства занимает особое место в системе законов. Она является основным (высшим) законом государ-

ства и обладает верховенством на всей его территории» [27, с. 44]. Такие формулировки легко запоминаемы, и в силу своей лаконичности к их авторам возникает меньше всего вопросов. Но, напомним, в данном случае конституция определяется исключительно в юридической плоскости.

Достаточно своеобразна позиция тех учёных, которые определения как такового не дают, предпочитая характеризовать конституцию через её черты (признаки). Например, Е.И. Козлова [28, с. 66] отличает конституцию от других правовых актов по таким параметрам, как: 1) особый субъект, который устанавливает конституцию или от имени которого она принимается; 2) учредительный, первичный характер конституционных установлений; 3) всеохватывающий характер конституционной регламентации; 4) особые юридические свойства (верховенство, высшая юридическая сила, порядок принятия, внесения поправок, специфические формы охраны). В этой же работе автор отдельно рассматривает Конституцию Российской Федерации в системе источников конституционного права: «...как основной источник отрасли конституционного права Конституция Российской Федерации устанавливает нормы, составляющие ядро всей отрасли всего конституционно-правового регулирования общественных отношений, входящих в её предмет» [28, с. 17]. Такое различие в юридической литературе устанавливается довольно редко.

В контексте проблематики источников конституционного права рассматривает Конституцию Российской Федерации О.Е. Кутафин. Как и Е.И. Козлова, учёный не даёт определения Конституции, но объясняет её ведущую роль среди федеральных источников конституционного права: «...в ней содержатся конституционно-правовые нормы, являющиеся основополагающими для всех других источников конституционного права, которые исходят из конституционных норм и обеспечивают их детализацию» [29, с. 170]. Затем О.Е. Кутафин выделяет важнейшие черты Конституции Российской Федерации: широта содержания норм; политико-правовой характер; высшая юридическая сила; база текущего законодательства; учредительный характер [29, с. 170 – 180].

Тот факт, что Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин не дают определения конституции, несколько удивляет. Дело в том, что ещё в 1995 году написанный ими в соавторстве учебник содержал соответствующее определение: «Конституция Российской Федерации представляет собой единый, обладающий особыми юридическими свойствами правовой акт, посредством которого народ учреждает основные принципы устройства общества и государства, определяет субъекта государственной власти, механизм её осуществления, закрепляет охраняемые государством права гражданского общества, человека и гражданина» [30, с. 48]. За небольшими изъятиями («определяет субъекта государственной власти», «права гражданского общества») эта формулировка вполне могла быть сохранена в последующих изданиях.

Обзор определений конституций не претендует на всеохватность, а наши комментарии к формулировкам носят сугубо авторский характер. Но некоторые выводы сделать необходимо.

В большинстве определений конституции правовые аспекты содержания рассматриваемой категории не являются единственными. При трактовке конституции, в чём можно было убедиться, очень часто происходит совмещение теоретической, политико-социальной и формально-юридической характеристик изучаемого явления. Это ещё раз подтверждает тот факт, что конституция является важнейшим и очень сложным объектом изучения для юридической науки. Немаловажное значение при сравнении определений имеет понимание того, что их авторы зачастую придерживаются принципиально отличающихся друг от друга направлений в исследованиях понятия конституции, являются последователями разных правовых школ. К тому же одни учёные характеризовали конституцию «вообще» (в контексте мирового опыта), а другие – сугубо Конституцию Российской Федерации. Большое значение имеет и то обстоятельство, рассматривается ли конституция в формате всей правовой системы либо только как важнейший источник конституционного права. И последнее замечание. В данной части работы были представлены взгляды ведущих учёных России, но необходимо иметь в виду, что в РФ нигде в законодательстве не содержится определения конституции, и это позволяет вкладывать в определение авторское видение проблемы, не «обремененное» законодательной дефиницией.

Иначе решился вопрос в Республике Беларусь. С 2000 года (когда вступил в силу Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь») в системе права имеется норма-дефиниция, в которой даётся определение Основного Закона: « Конституция Республики Беларусь – Основной Закон Республики Беларусь, имеющий высшую юридическую силу и закрепляющий основополагающие принципы и нормы правового регулирования важнейших общественных отношений» (ч. 1 ст. 2 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»). Это достаточно компактная формулировка, вполне соответствующая современным представлениям о конституции. Но здесь уточним, что с 1994 года (принятия первой Конституции суверенного Белорусского государства) в тексте самого Основного Закона «прочитывались» важнейшие характеристики Конституции (высшая юридическая сила, верховенство, «жесткий» характер, особый порядок охраны и защиты в лице Конституционного Суда и др.), пусть и расположенные в разных частях документа. Поэтому цельное представление о Конституции Беларуси можно было составить и до 2000 года, но определение единым нормативным положением датируется именно этим годом.

Сказанное вовсе не свидетельствует о том, что белорусские авторы не разрабатывают понятие конституции (в учебной и научной литературе чаще всего предлагаются и собственные определения), но

сам факт существования законодательного определения становится отправным в исследованиях такого рода.

Рассмотрим определения, которые укоренились в странах Западной демократии – родине конституционализма. Начать следует с англо-американской доктрины, что легко объяснимо с исторических позиций. Однако не упустим из виду особенности этой правовой семьи.

Определение, предлагаемое классическим американским справочным изданием – энциклопедическим юридическим словарём Блэка: «Конституция – органический основополагающий закон нации или штата, бывающий писанным и неписанным, устанавливающий характерные особенности и замысел его правительства, излагающий основные принципы, которым должна соответствовать его внутренняя жизнь, организующий его правительство и регулирующий, распределяющий и ограничивающий функции различных его ветвей, а также предписывающий пределы и порядок осуществления высшей власти. Устав правительства, обретающего все полномочия от тех, кем оно управляет. Писанный акт, согласованный народом союза или отдельного штата в качестве абсолютного правила поведения и порядка принятия решений всеми подразделениями и должностными лицами правительства в отношении всех охватываемых этим актом предметов, сохраняющий свою силу до тех пор, пока он не будет изменён той же властью, которая его издала; всякий противоречащий ему закон или предписание, принятые подразделением правительства или его должностным лицом, будут ничтожными» [31, с. 77].

Пониманию сути конституции поможет следующий юридический памятник XIX века – *фрагмент из решения Верховного Суда США по делу Маккаллок против Мэрленда*, оглашённый одним из виднейших судей США – Верховным судьёй США Маршаллом. «Конституция, содержащая точные подробности во всех разделах, обосновывающих вытекающую из неё великую власть, и все средства, с помощью которых эта власть отправляется, приобретает многословие, присущее законодательному уложению, и едва ли сможет быть постигнута человеческим разумом. Возможно, она так и останется непонятной для общества. Потому её природа требует того, чтобы были обрисованы лишь её общие пределы, обозначены важнейшие объекты регулирования с тем, чтобы малые составные части этих объектов выявлялись из природы их самих... Решая этот вопрос, нам никогда нельзя забывать о том, что мы излагаем саму конституцию» [31, с. 77].

В правовых системах англосаксонского типа позитивистский подход никогда не был на ведущих ролях. Широко известно *мнение Р. Дворкина*, считавшего, что «Конституция – это не столько набор конкретных норм, сколько свод принципов, которые надо толковать и применять как единое целое» [32, с. 124]. Из этого следует, что судьям надо принимать решения по конкретным делам не только на основе «буквы конституции», но и на основе содержащихся в ней абстрактных положений – принципов. Не случайно стало крылатым изречение одного из бывших председателей Верховного Суда США Хьюза: «Конституция – это то, что скажут о ней судьи».

Верной следует признать *точку зрения А.А. Клишаса* [33, с. 69], предлагающего учитывать то обстоятельство, что в противоположность юридической Конституции, включающей в себя первоначальный текст и 27 поправок, существует, по выражению американских теоретиков права, так называемая «живая Конституция». Иными словами, Конституция США 1787 года действует в настоящее время с многочисленными дополнениями в виде судебных прецедентов, актов Конгресса и Президента. Особо отметим тот факт, что решениям Верховного Суда (в том числе и в рамках осуществления конституционного контроля) в процессе формирования «живой Конституции» исторически принадлежит одна из ведущих ролей.

В американской конституционной теории нередко встречаются определения, связанные с общей проблемой ограничения государственной власти. Юридическая традиция во многом следует известному изречению лорда Эктона «власть – это зло, абсолютная власть – зло абсолютное» (цит. по А.А. Чечулиной [34, с. 58]). Например, исследователь зарубежного конституционализма М.Ф. Чудаков в этой связи приводит определение американца Ч. Берда: «Конституция – это документ, устанавливающий пределы активности органов власти, предписывающий границы их полномочий и определяющий свободы граждан» [35, с. 130]. Такую точку зрения М.Ф. Чудаков признаёт «типично американским подходом» [35, с. 131] и объясняет это тем, что по представлению ведущих американских мыслителей, политических теоретиков и практиков, государство, по сути, ничего не должно давать своим гражданам – оно должно регулировать отношения между ними. И чем меньше оно регулирует отношения, чем меньше вмешивается в их жизнь, тем лучше. В идеале государство должно только присутствовать при равномерной работе самостоятельных звеньев общества, следить, чтобы они не мешали друг другу. Таким образом, фраза об установлении пределов активности органов власти означает, что конституция как определённый правовой документ, как некий общественный договор ограничивает власть, предписывает ей держаться в определённых рамках.

Перед нами типичный пример рассмотрения конституции сквозь призму концепции государства в роли «ночного сторожа». В действительности это лишь одна из красивых идей, которая занимала лидирующие позиции в либеральной политико-правовой мысли конца XIX века. Государственно-правовая практика США XX века являет совершенно иное представление о роли государства в жизни общества. Важнейшие конституционные принципы Конституции США трактовались верховной властью очень даже своеобразно.

После сильного кризиса, потрясшего страну в 1907 году, при президенте Теодоре Рузвельте впервые заговорили о том, что государство может быть эффективным и энергичным, научно организованным менеджером. «Собственность каждого человека подчинена общему праву коллектива регулировать её использование в той степени, в какой этого может требовать общественное благо!», – заявил Т. Рузвельт в 1910 году. Два года спустя уже другой президент США, Вудро Вильсон, скажет: «Если бы Джефферсон (один из авторов американской конституции и «отцов-основателей» США – А. П.) жил в наше время, он наверняка пришёл бы к тем же выводам, что и мы... Без постоянного вмешательства правительства нам не добиться справедливости во взаимоотношениях между гражданами и столь могущественными институтами, как тресты...» [36, с. 293].

Попытка дать полную свободу частному бизнесу и абсолютизация института частной собственности в 1920-е годы привела к тяжелейшей катастрофе 1929 года и последующей за ней депрессии; США оказались на пороге гражданской войны. Можно сказать, что двадцатые годы были первым явлением неконтролируемого либерализма и монетаризма в XX веке. В итоге к власти пришёл Франклин Рузвельт, который в 1932 – 1945 годах создал полусоциалистическую экономику, с элементами опыта и Муссолини, и Сталина, и Гитлера. Это называлось «Новым курсом». В 1944 году Ф.Д. Рузвельт издал свой «Экономический билль о правах», согласно которому каждый американец должен был получить право на работу, на достойную заработную плату, достаточную для поддержания нормального уровня жизни. Здесь же гарантировалось право на жильё, на медицинское обслуживание, на образование, на социальное обеспечение в случае болезни, безработицы и старости.

А теперь перечитайте Конституцию США более внимательно. Она и близко не содержит каких-либо положений, созвучных принципам деятельности Ф.Д. Рузвельта, которого безоговорочно признают выдающимся американским президентом. Как известно, Конституция США с 1787 года ни разу не подвергалась корректировке, а в период Ф.Д. Рузвельта были лишь приняты XX и XXI поправки, которые касались процедурных вопросов функционирования государственной власти и отмены «сухого закона». Понимание роли Конституции Ф.Д. Рузвельтом, мягко говоря, очень своеобразно. По сути, сжатость, немногословность и компактность Основного Закона США позволяют любой власти как угодно приспособить Конституцию к постоянно меняющимся условиям жизни. Причём это касается не только Президента и Конгресса, но прежде всего Верховного Суда США, который своими толкованиями содержательно видоизменял Конституцию до неузнаваемости.

Заканчивая небольшой экскурс в историю американского конституционализма, акцентируем внимание на следующем. Реализация социальных программ в период президентства Ф.Д. Рузвельта наглядно показала, что концепция «социального государства» не обязательно несёт в себе какую-либо идеологическую нагрузку (в наше время бытует ошибочное представление о «социальном государстве» лишь в связке с элементами советского прошлого), она является характеристикой одного из важнейших направлений государственной политики и означает возложение на государство обязанностей и ответственности перед обществом и личностью в экономике и социальной сфере. Вопреки лозунгам «чистого» либерализма, государство не может оставаться в роли «научного сторожа», а становится активным субъектом конституционных правоотношений, несущим вполне определённые обязанности, которым соответствуют права гражданина в экономической и социальной сферах. США явило пример того, как идеи социального государства могут реализовываться на практике без какой бы то ни было юридической опоры в лице Конституции, тем более демагогических лозунгов популистов.

По нашему мнению, для американских государственных деятелей, судей, учёных важно не столько определение конституции, сколько понимание так называемого «конституционного порядка», а он, как мы убедились, может очень далеко отстоять от самой конституции. Но это уже в большей степени проблема соотношения «юридической» и «фактической» конституции, о чём следует говорить отдельно.

Британская традиция определения конституции близка американской, что неудивительно, так как в основе конституционализма США лежит очень многое из английского опыта (особенно это касается защиты прав и свобод личности, недопущения монополизации власти, утверждения эффективной судебной системы и пр.). Однако и разница ощутима. Если Великобритания предстаёт монархическим унитарным государством с материальной конституцией, то США – федеративная республика с формальной кодифицированной конституцией. Но отличий больше по форме, чем по содержанию. И США, и Великобритания развивались по канонам конституционной государственности, которые в основе своей обладают принципиальным сходством.

В качестве примера обратимся к определению конституции англичанина С.Ф. Стронга [35, с. 130]. С его точки зрения, Конституцию следует понимать как совокупность принципов, в соответствии с которыми регламентируются деятельность органов власти, права управляемых ими субъектов и отношения между ними. Тот факт, что автор определяет конституцию не через нормы, а совокупностью принципов, объясняется очень своеобразным (материальным) её характером. Ни один знаток английского права не рискнёт указать точное количество источников британской конституции и содержащихся в них норм.

Такой взгляд на конституцию имеет давнюю традицию. Ещё в 1733 году английский аристократ Г. Болингброк дал такое определение (цит. по [37, с. 22]): «Под конституцией мы понимаем... ту совокупность законов, становлений и обычаев, которая вытекает из наших твёрдых принципов разума, направлена на некие установленные цели общественного блага, образует такую систему, которой сообщество согласно подчиняться». Несомненно, в американском конституционализме явно просматриваются английские корни. Следует помнить о том, что многие «отцы-основатели» США получали образование в Европе и никогда не отказывались от интеллектуального и духовного наследия родины их предков (достаточно вспомнить, как трагически было воспринято решение о неизбежности войны с Английской метрополией).

В рамках же германского видения конституции всегда преобладал подход, базирующийся на рассмотрении вопроса сообразно представлениям формально-юридической школы. Здесь большое внимание придаётся требованиям нормотворческой техники (структура, стиль документа, скрупулёзность формулировок) и перечню компонентов, отражающих специфику законодательного акта. Судебная практика долгое время вообще не принималась в расчёт, так как суды, в отличие от правовых систем англосаксонского типа, выступали исключительно правоприменительными органами (всё изменилось с появлением в Европе органов конституционного правосудия, которые заняли активные позиции в правообразовательном процессе и нормотворческой деятельности).

Виднейший представитель германской юридической науки Г. Еллинек в своей работе «Конституции, их история и значение в современном праве» задаётся вопросом об определении конституции и формулирует свою позицию следующим образом: «Но что же составляет содержание конституции в тех государствах, которые обладают писаной конституцией? В общем можно на это ответить, что содержание конституции сводится к установлению основных принципов, которыми определяются: организация и полномочия государственной власти, с одной стороны, и права подданных – с другой» [4, с. 56]. Напомним, что в этот период деятельности Г. Еллинека существовала и эффективно работала Конституция Германской империи 1871 года, которая, впрочем, не провозглашала даже формально принципов «народного суверенитета» и «ответственного правительства».

Современные немецкие исследователи излагают свои подходы на основе принципов Основного Закона ФРГ 1949 года, впервые провозгласившего концепцию правовой государственности. Например, профессор К. Хессе отмечал, что для понимания действующего конституционного права необходима ясность относительно его предмета – конституции: «... если для теории конституции важно общее определение её абстрактного понятия, основанное на историческом опыте всех или множества конституций, то для теории конституционного права такое определение лишено смысла, поскольку при изложении основных его черт необходимо опираться лишь на современную индивидуально-конкретную конституцию, ибо только так можно решать возникающие конституционно-правовые проблемы» [38, с. 18]. Здесь, несомненно, обнаруживается наследие германской исторической школы права конца XVIII – начала XIX века, рассматривающей государственно-правовые явления не «вообще», а в привязке на самобытные реалии конкретного народа.

Развёрнутое определение конституции предлагает другой немецкий автор, профессор П. Бадура: «Под конституцией государства понимают собранные в одном конституционном законе (“конституционной хартии”) основополагающие правовые предписания относительно организации и осуществления государственной власти, государственных задач и основных прав. Включённые в конституционный закон правовые предписания образуют конституционное право, которое отличается от прочих норм правопорядка усложнённой изменчивостью, связывает публичную власть во всех формах её проявления и обладает приоритетом по отношению к другим правовым предписаниям, особенно законам» [цит. по 39, с. 118]. Отметим, что учёный несколько отходит в такой формулировке от германского канона, предпочитая говорить не о «государственном», а о «конституционном» праве. (В ФРГ официально действует не Конституция, а Основной Закон).

Представляет интерес в определении конституции подход Й. Изензее [2, с. 7]. Он даёт фрагментарное описание конституционного государства, а в Основном Законе самым важным видит содержание регулирования и выбор его объектов (народ, территория, государственная власть). Однако описание особенностей Основного Закона у Й. Изензее не заканчивается формулировкой определения Конституции. Хотя в немецкой литературе есть примеры и иного свойства. Так, Г. Бруннер и Ф. Хефер резюмируют: «Конституция, Основной Закон ФРГ, является высшей правовой инстанцией» [42, с. 61]. Такая предельная лаконичность имеет место и при нормативных определениях конституции. Например, в Конституции Республики Польша 1997 г. статья 8 гласит: «Конституция есть верховное право Республики Польша» [41, с. 226]. Возможно, здесь сказалось влияние германской доктрины, что очень характерно для польского права в целом.

Кроме описанных определений есть множество других, и все они достойны рассмотрения. Однако в большинстве своём обнаруживаются принципиально сходные черты: верховенство; высшая юридическая сила; регулирование важнейших сфер общественной и государственной жизни; определение взаимоотношений государства и личности; ядро правовой системы.

О причинах неизбежных разночтений «формулы конституции» пишет Н.А. Богданова [1, с. 152]. Смысл её рассуждений сводится к тому, что требование всесторонности познания конституции влечёт необходимость раскрыть самые разные качества основного закона. Его следует охарактеризовать как продукт истории, результат политической борьбы, отражающий соотношение политических сил в обществе, важнейший общесоциальный регулятор общественных отношений, правовой ограничитель государственной власти в пользу свободы человека, правовой документ, обладающий высшей юридической силой, закрепляющий положение и организацию государственной власти и её взаимоотношения с человеком.

Заключение. Перечень характеристик можно продолжить. Все они составляют содержание категории конституционного права – «конституция» – и отражаются в различных определениях этого феномена. Но всё же для конституционного права как юридической науки наиболее значимыми являются воплощённые в определениях правовые аспекты содержания рассматриваемой категории, которые и представляют quintэссенцию теории конституции. Подчеркнём ещё раз, что специфика такой категории, как «конституция», обусловлена совмещением в ней теоретической, формально-юридической и политико-социальной характеристик, что и было отражено в представленных определениях. При этом любое определение конституции будет неполным и относительным, так как в силу указанных причин не может охватить всего многообразия различных её свойств, признаков, связей. Но каждое определение хотя бы в краткой форме призвано отразить наиболее общие, основные черты такого сложного явления, как конституция, ведь вопрос о её понятии – исходный, ключевой: в зависимости от его решения понимаются и трактуются все другие характеристики этого правового явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова, Н.А. Система науки конституционного права / Н.А. Богданова. – М.: Юрист, 2001. – 256 с.
2. Государственное право Германии / Н. Ахтенберг [и др.]. – М.: РАН, 1994. – Т. 1. – 318 с.
3. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 448 с.
4. Конституционное право: учеб. пособие для юрид. вузов: Хрестоматия / И.К. Блюнчли [и др.]; под ред. Н.А. Богдановой. – М.: Юрид. колледж МГУ, 1994. – 284 с.
5. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юрид. вузов и фак. – М.: НОРМА, 2000 – 776 с.
6. Арановский, К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 658 с.
7. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учеб. курс / С.А. Авакьян: в 2 т. – М.: Юрист, 2005. – Т. 1. – 719 с.
8. Словарь иностранных слов / Гос. Изд-во Иностранных Национальных Словарей, 1949. – 808 с.
9. Государственное право Германии / Г. Арним [и др.]. – М.: РАН, 1994. – Т. 2. – 320 с.
10. Арановский, К.В. Конституция как государственно-правовая традиция и условия ее изучения в российской правовой среде / К.В. Арановский // Правоведение. – 2002. – № 1. – С. 41 – 50.
11. Арановский, К.В. Государственное право зарубежных стран: учеб. пособие / К.В. Арановский. – М.: ИНФРА-М; ИД «ФОРУМ», 2000. – 488 с.
12. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – М.: Юрид. лит., 2005. – 576 с.
13. Овсепян, Ж.И. Развитие научных представлений о понятии и сущности Конституции / Ж.И. Овсепян // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 24 – 36.
14. Бондарь, Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2005. – 592 с.
15. Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
16. Шайо, А. Самоограничение власти: Краткий курс конституционализма / А. Шайо; пер. с венгр. – М.: Юрист, 2001. – 296 с.
17. Медушевский, А. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы / А. Медушевский // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: сб. докл. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999. – С. 13 – 41.
18. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
19. Тихомиров, Ю.А. Коллизионное право: учеб. и науч.-практ. пособие / Ю.А. Тихомиров. – М.: Изд. г-на Тихомирова М.Ю., 2005. – 394 с.
20. Енгибарян, Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции / Р.В. Енгибарян. – М.: Норма, 2010. – 496 с.

21. Енгибарян, Р.В. Конституционное право: учебник для вузов / Р.В. Енгибарян, Э.В. Тадевосян. – М.: Юристъ, 2000. – 492 с.
22. Конституционный контроль в зарубежных странах: учеб. пособие / отв. ред. В.В. Маклаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: Инфра-М., 2010. – 672 с.
23. Конституции зарубежных государств / сост. проф. В.В. Маклаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: БЕК, 1999. – 584 с.
24. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2005. – 320 с.
25. Сырых, В.М. Теория государства и права: учебник для вузов / В.М. Сырых. – 5-е изд. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. – 704 с.
26. Конституция, закон, подзаконный акт / И.В. Котелевская [и др.]; под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Юрид. лит., 1994. – 136 с.
27. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н.В. Витрук. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 527 с.
28. Козлова, Е.И. Конституционное право России: учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 608 с.
29. Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права / О.Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 2001. – 444 с.
30. Козлова, Е.И. Конституционное право Российской Федерации: учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 1995. – 480 с.
31. Тузмухамедов, Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции: Хрестоматия / Б.Р. Тузмухамедов. – М.: Юристъ, 2006. – 463 с.
32. Незнамова, Е.А. К вопросу о рассмотрении судебного прецедента в качестве источника административного права / Е.А. Незнамова // Российский судья. – № 5. – 2002. – С. 28 – 29.
33. Клишас, А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование / А.А. Клишас; под ред. проф. В.В. Еремяна. – М.: Междунар. отношения, 2007. – 496 с.
34. Чечулина, А.А. К вопросу ограничения государственной власти / А.А. Чечулина // Право и политика. – 2003. – № 12. – С. 58 – 70.
35. Чудаков, М.Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. пособие / М.Ф. Чудаков. – Минск, ООО «Новое знание», 2001. – 576 с.
36. Калашников, М. Глобальный смуткризис / М. Калашников. – Минск: Харвест, 2009. – 639 с.
37. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447 – 1996): моногр. / М.Ф. Чудаков. – Минск: Акад. управл. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 327 с.
38. Хессе, К. Основы конституционного права ФРГ / К. Хессе. – М.: Юрид. лит., 1981. – 368 с.
39. Страшун, Б.А. К вопросу о понятии конституционного права / Б.А. Страшун // Журнал российского права. – 2006. – № 10. – С. 115 – 123.
40. Медушевский, А.Н. Теория конституционных циклов / А.Н. Медушевский. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.
41. Вашкевич, А. Основы конституционного права Республики Польша: пособие для студентов вузов / А. Вашкевич. – Минск: Тесей, 2007. – 488 с.
42. Бруннер, Г. Государственное и административное устройство Германии: сб. междунар. терминов из области права и управления. Сер. Р. Т. 1 / Г. Бруннер, Ф. Хефер. – Мюнхен: Баварская школа управления, 1993. – 281 с.

Поступила 29.02.2012

THE CONCEPT OF THE CONSTITUTION WITH FORESHORTENING OF POLITIKO-SOCIAL, THEORETICAL AND FORMALLY LEGAL CHARACTERISTICS

A. PUGACHEV

The task of clarification of the reasons of variety of definitions of the constitution is put. On the basis of the historical and comparative and legal analysis theoretical, sociopolitical and formal and legal characteristics of the studied phenomenon are shown. The wide range of opinions of politicians, lawyers, political scientists on the matter is presented. The essence of a class approach and the reason of its rejection in the theory and practice of modern constitutionalism are spoken. Advantage of all-social treatments in basic law definition is proved. Relationships of cause and effect between characteristics of the constitution and base positions of the main legal schools are traced. The special attention is given to the researches of authors focusing attention on legal signs of the constitution, considering problems of its supremacy in system of sources of the right. The short review of history of the West European constitutionalism in a context of detection of the major characteristics of the basic law is given. The author's understanding of the Belarusian perspective is reflected and given reason.